

Русские писатели в Париже

Кэнсин Мацумото

1 Введение

Французское культурное влияние на Россию огромно. Наука, литература, культура, кухня, моральные и жизненные ценности — всё впитывалось, перерабатывалось, адаптировалось русскими для себя. В восемнадцатом-девятнадцатом веках с французскими гувернёрами русские молодые дворяне учили не только язык, но и манеры, правила поведения, танцы, что давало пропуск в высшее общество. Тогда же стало традиционным для каждого «образованного» русского совершить «*pèlerinage*»¹⁾ во Францию. Париж стал обязательным не только для тех, кто хотел расширить горизонты своих знаний, но также и для тех, кто хотел показать себя и развлечься, тем более, что многие из них говорили на французском языке лучше, чем на своём родном. Большинство русских писателей того времени побывало в Париже, некоторые из них поселялись здесь надолго. В этот период Париж принимает Карамзина, Фонвизина, Тургенева, Герцена, Достоевского. В «Письмах русского путешественника» Карамзина находим такие строки: «Я хочу жить и умереть в моем любезном отечестве; но после России нет для меня земли приятнее Франции, где иностранец часто забывается, что он не между своими».²⁾

После большевистского переворота начинается исход русских, многие из которых обосновываются во Франции. Поток беженцев достигает пика после поражения Белой армии. Люди бежали не

только от большевистских бесчинств, но и от голода. На этот раз Париж наводняется не аристократией, а представителями всех сословий. Многие русские в поисках куска хлеба спускаются на самое дно социальной лестницы — становятся шофёрами такси, официантами, рабочими на заводах, шахтёрами и т. д. В 30-х годах число выходцев из России во Францию достигает 100.000. Многие из них селятся в 15-м округе Парижа, где квартирная плата была самая низкая. Такая большая диаспора, живущая компактно, не могла раствориться и существует поныне. До второй мировой войны культурная жизнь русских в Париже кипит. Повсюду продаются газеты «Возрождение» и «Последние новости», печатаются книги и журналы, открыты литературные салоны³⁾, с аншлагом проходят спектакли балетной труппы Дягилева. В эту эпоху в Париже живут и плодотворно работают многие русские писатели и поэты-эмигранты: Куприн, Лесков, Берберова, Набоков, Тэффи, Алданов, Адамович, Мережковский, Гиппиус, Алексей Толстой... Часто наезжает и живёт в маленькой гостинице «Истрия»⁴⁾ поэт Маяковский.

В 1925 году Маяковский, уезжая из Парижа, написал стихотворение, которое называется «Прощанье». Оно заканчивается следующими словами: —

«Подступай
к глазам,
разлуки жижя,
сердце
мне
сантиментальностью расквась!
Я хотел бы
жить
и умереть в Париже,
Если б не было
такой земли —
Москва»⁵⁾.

Вторая мировая война нанесла сокрушительный удар по русской диаспоре. Те, кто из русских евреев и коммунистов не успел бежать за границу, погибли в концлагерях. Некоторые выходцы из России и Украины сражались на стороне немцев, другие в отрядах сопротивления. Многие из них погибли. После войны по договорённости с Россией Франция насильно репатрировала сто тысяч русских — военнопленных и солдат Рейха. Первые из них направлялись из немецких прямиком в советские лагеря, вторые на расстрел. Те, кому удалось избежать насильной репатриации, переселяются в США или Южную Америку, опасаясь длинной руки Москвы. Культурная жизнь русской диаспоры постепенно затухает.

За исключением небольшого числа евреев, вырвавшихся из СССР в 70-е годы, до начала Перестройки численность русских во Франции только уменьшается. С падением железного занавеса русские снова появляются во Франции и число их растёт с неимоверной быстротой. Одними из первых во Франции обосновываются музыканты и художники. Культурная жизнь русской диаспоры приобретает новый импульс.

2 Восемнадцатый век

Уже в 18-м веке некоторые русские литераторы пребывали в Париже. Например, Тредиаковский, Фонвизин, Карамзин, ... и т. д. Василий Кириллович Тредиаковский (1703-68) — выдающийся поэт 18-го века. Он отправился за границу в 1726 году. В Голландии Тредиаковский выучился французскому языку, а в Париже он учился в университете математическим и философским наукам, слушал богословие, принимал участие в публичных диспутах. Кроме основательного знания французского языка, Тредиаковский приобрёл в Париже обширные сведения в области теории словесности и классических литератур. В 1730 году он переводил на русский язык произведение французского писателя Paul Talman «Поездка на остров Любви». А в 1735 году он написал «Новый и

краткий способ к сложению российских стихов» и представил в Академию. Это до сих пор считается большим достижением Тредиаковского и основой стихотворчества.

2.1 Н. М. Карамзин и Париж

Николай Михайлович Карамзин (1766-1826) — великий поэт, писатель и историк. Он путешествовал по Европе с 17 мая 1789 года по сентябрь 1790 года. Он объехал Германию, Швейцарию, Францию и Англию, останавливаясь преимущественно в больших городах, как Берлин, Лейпциг, Женева, Париж и Лондон. Возвратившись из Европы, Карамзин издавал собственный «Московский журнал» и в нем публиковал «Письма русского путешественника» (1791-1792), «Бедную Лизу» (1792), «Наталью, боярскую дочь» (1792) и переводы разных иностранных писателей.

Посмотрим, какие впечатления произвёл город Париж на писателя. В одном «письме русского путешественника» Карамзин пишет: —

«Я в Париже!» Эта мысль производит в душе моей какое-то особенное, быстрое, неизъяснимое, приятное движение... «Я в Париже!» — говорю сам себе и бегу из улицы в улицу, из Тюльери в поля Елисейские, вдруг останавливаюсь, на все смотрю с отменным любопытством: на дома, на кареты, на людей. Что было мне известно по описаниям, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшего, славнейшего города в свете, чудного, единственного по разнообразию своих явлений. Пять дней прошли для меня как пять часов: в шуме, во многолюдстве, в спектаклях, в волшебном замке Пале-Рояль. Душа моя наполнена живыми впечатлениями, но я не могу самому себе дать в них отчета и не в состоянии сказать вам ничего связного о Париже. <...> — Теперь замечу одно то, что кажется мне главною чертою в характере Парижа: отменную живость народных движений, удивительную скорость в словах и делах. Система Декартовых вихрей могла родиться только в голове француза,

парижского жителя. Здесь все спешат куда-то; все, кажется, перегоняют друг друга, ловят, хватают мысли, угадывают, чего вы хотите, чтоб как можно скорее вас отправить. «...» А парижский житель хочет всегда отгадывать: вы еще не кончили вопроса, он сказал ответ свой, поклонился и ушел!»⁶⁾

В «Письмах русского путешественника» Карамзин относится к европейским городам неплохо. Он описывает в основном их хорошие черты. Это произведение вызвало широкий читательский интерес и принесло автору известность. «Письма» оказали большое влияние на несколько поколений писателей. Несомненно, например, влияние на Достоевского.⁷⁾

Кроме того, Карамзин написал по-французски «Lettre au Spectateur sur la littérature russe»⁸⁾. Так как в нём описаны впечатления автора от Парижа и французского народа, в конце этой главы я хочу процитировать его часть.

«...il poursuit son voyage, et se fixe a Paris. C'est ici que le lecteur l'attendoit; c'est ici que ses lettres acquierent plus d'interet et de variete. D'abord, il est etourdi par le spectacle de la plus grande et la plus bruyante ville du monde; il sent le besoin du recueillement, et sort de Paris pour le peindre. C'est dans le charmant bois de Boulogne, assis a l'ombre des arbres touffus, seul parmi les cerfs qui venoient jouer autour de lui, qu'il esquisse le tableau de cette capitale, ou plutôt celui des impressions qu'elle a faites sur lui.

“L’histoire de Paris, dit-il ensuite, est celle de la France et de la civilisation”. Il la parcourt rapidement, mais tâche de saisir tous les traits caractéristiques, et finit par dire: “La nation française a donc passé par tous les degres de la civilisation pour arriver au point où elle se trouve actuellement. En comparant sa marche trainante au vol rapide de notre peuple vers le même but, on crie au miracle; on s’étonne de la toute-puissance d’un génie créateur, qui, arrachant tout d’un coup la nation russe au sommeil léthargique, dans lequel elle étoit plongée, l’a poussée dans la carrière des lumières avec tant de force, que dans peu d’années, nous voila marchant de front avec

les peuples qui s'y avancoient bien des siècles avant nous. Mais ici d'autres idées et d'autres images se présentent à mon esprit: ces batimens qu'on élève avec trop de précipitation, sont-ils assez solides? La marche de la nature n'est-elle pas toujours graduelle et lente? Ces irrégularités brillantes peuvent-elles être stables et sûres? Ces enfans, à qui l'on apprend trop de choses des leurs premières annés, deviennent-ils de grands hommes? ... Je me tais».⁹⁾

2.2 Д. И. Фонвизин и Париж

Денис Иванович Фонвизин (1744-1792) является знаменитым писателем Екатерининской эпохи и новатором русской драматургии. Его две комедии, «Бригадир» (1769) и «Недоросль» (1782), даже в настоящее время иногда ставят на сцену русских театров и до сих пор русские их любят.

Фонвизин совершил со своей женой первое путешествие за границу (1777-78), побывав в Германии и во Франции. В течение тринадцати — четырнадцати месяцев писатель, как всегда, вёл интенсивную переписку с сестрой Федосьей Ивановной, с Я. И. Булгаковым, с Никитой и Петром Паниными. Особый характер носят письма, адресованные Петру Панину. Это с художественным блеском написанные литературные произведения.¹⁰⁾ Второе путешествие было предпринято в Германию и Италию в 1784 году. А через два года Фонвизину пришлось ехать лечиться от последствий паралича в Вену и Карлсбад. Последние годы жизни были для него очень тяжёлыми: расстроилось здоровье, пошатнулось его материальное положение, вследствие разных тяжб с арендаторами и т. д. Литературная деятельность Фонвизина почти совсем прекратилась, если не считать его письма из-за границы и его путевые журналы. Хотя они не предназначались для печати (опубликованы уже в 19-м веке), все же предоставляют большой интерес, как суждения умного наблюдателя тогдашней европейской жизни и как литературные произведения. Давайте посмотрим какие впечатления произвёл Париж на Фонвизина.

«Руссо твой в Париже живет, как медведь в берлоге; никуда не ходит и к себе никого не пускает. Ласкаюсь, однакож, его увидеть. Мне обещали показать этого уродца. Вольтер также здесь; этого чудотворца на той неделе увижу. Он болен и также никого к себе не пускает. На сих днях играли его новую трагедию, о которой поговорю после. <...> Что же до Парижа, то я выключаю его из всего на свете. Париж отнюдь не город; его поистине назвать должно целым миром. Нельзя себе представить, как бесконечно он велик и как населен. Мы приехали в него 20 февраля (3 марта) ввечеру. <...> Русских здесь множество, и все живут как одна семья; но образ жизни ни мне, ни жене моей не нравится. Никакого в распоряжении времени порядка нет: день делают ночью, а ночь днем. Игра и *le beau sexe* занимают каждую минуту. Кто не подвергается всякую минуту опасности потерять свое мнение и здоровье, тот называется здесь философ. Из русских здесь, смело скажу, только два философа. Прочие все живут по-французски, чего нас избави боже! Парижа описывать вам не хочу, потому что вы из книг так же его узнаете, как я; а скажу вам мое весьма справедливое примечание, что нет шагу, где б не находил я чего-нибудь совершенно хорошего, всегда однакож возле совершенно дурного и варварского. Такая несообразность должна удивить каждого. Увидишь здание прекрасное и верх искусства человеческого, а подле него какой-нибудь госпиталь для дурных болезней; словом, то, что мы называем убогий дом, здесь среди города. Народ, впрочем, в крайней бедности и питается, можно сказать, одною *industrie*. Зато здесь почти всякий день вешают и колесуют. Неустройства происходят много и от многолюдства. Нельзя, чтоб полиция, сколь бы ни была хороша, усмотрела все в таком содоме».¹⁴⁾

Я процитировал письмо Фонвизина из Парижа от 11-го марта 1778 года, адресованное родным. Надо сказать, что отзывы Фонвизина о европейцах и европейских городах не всегда справедливы и часто крайне резки. Фонвизин признаётся, что город Париж ему не

понравился, и критикует его недостатки. Это отчасти объясняется его личными мотивами, болезнью жены, всякими неприятностями путешествия и т. д. Но это пристрастие, безусловно, не уничтожает значения заметок Фонвизина. Кроме того, интересно отметить, что фонвизинские письма, вольно или невольно, тем самым как-то противопоставлялись письмам Карамзина.

И в то же время общие и окончательные выводы Фонвизина о Франции и национальном характере французов очень суровы. Но то не «осуждение», а горькие мысли и признания, — черты характера французов, мораль и нравы общества Фонвизин выводит из обстоятельств их политического, социального бытия.¹²⁾

Давайте процитируем ещё одно письмо, где Фонвизин резко критикует французов. Здесь найдётся популярная фонвизинская фраза «рассудка француз не имеет». Письмо адресовано П. И. Панину из Ахена от 18-го сентября 1778 года.

«Рассудка француз не имеет и иметь его почел бы несчастьем своей жизни, ибо оный заставил бы его размышлять, когда он может веселиться. Забава есть один предмет его желаний. А как на забавы потребны деньги, то для приобретения их употребляет всю остроту, которою его природа одарила. Острота, не управляемая рассудком, не может быть способна ни на что, кроме мелочей, в которых и действительно французы берут верх пред целым светом. Обман почитается у них правом разума. По всеобщему их образу мыслей, обмануть не стыдно; но не обмануть — глупо. Смело скажу, что француз никогда сам себе не простит, если пропустит случай обмануть хотя в самой безделице. Божество его — деньги. Из денег нет труда, которого б не поднял, и нет подлости, которой бы не сделал. К большим злодеяниям неспособен. Самые убийцы становятся таковыми тогда только, когда умирают с голоду; как же скоро француз имеет пропитание, то людей не режет, а довольствуется обманывать. Корыстолюбие несказанно заразило все состояния, не исключая самых философов нынешнего века. В рассуждении денег не гнушаются и они

человеческого слабостию. Д'Аламберты, Дидероты в своем роде такие же шарлатаны, каких видал я всякий день на бульваре; все они народ обманывают за деньги, и разница между шарлатаном и философом только та, что последний к сребролюбию присовокупляет беспримерное тщеславие».¹³⁾

Особая динамичность и выразительность фонвизинской фразы подчёркивается её афористичностью. Следует отметить, что позднее Достоевский цитировал эту фразу в своём произведении «Зимние заметки о летних впечатлениях». Он пишет: —

«Рассудка француз не имеет, да и иметь его почел бы за величайшее для себя несчастье». Эту фразу написал еще в прошлом столетии Фонвизин, и, боже мой, как, должно быть, весело она у него написалась. Бьюсь об заклад, что у него цекотало от удовольствия на сердце, когда он ее сочинял. И кто знает, может, и все-то мы после Фонвизина, три-четыре поколения сряду, читали ее не без некоторого наслаждения. Все подобные, отделяющие иностранцев фразы, даже если и теперь встречаются, заключают для нас, русских, что-то неотразимо приятное. Разумеется, только в глубокой тайне, даже подчас от самих себя в тайне. Тут слышится какое-то мщение за что-то прошедшее и нехорошее. Пожалуй, это чувство и нехорошее, но я как-то убежден, что оно существует чуть не в каждом из нас».¹⁴⁾

Несмотря на то, что здесь Достоевский цитирует фразу не совсем правильно, он, несомненно, перечитал внимательно «Письма из-за границы». И письма Фонвизина до известной степени повлияли на мировоззрение Достоевского. Что же касается отношения самого Достоевского к Европе, их мы рассмотрим ниже.

3 Девятнадцатый век

3.1 И. С. Тургенев и Париж

Иван Сергеевич Тургенев (1818-1883) — великий русский писатель 19-го века. В детстве он получил хорошее «французско-

нижегородское» домашнее образование. Особенно хорошо давались ему иностранные языки: французский, немецкий, затем и английский. Позднее они давали Тургеневу возможность обращаться к иностранным источникам информации. Благодаря этому он с детства знакомился с произведениями литературы Западной Европы, что позже немало содействовало становлению его «западнического» мировоззрения.

Особенно важным для Тургенева оказалось знакомство в конце 1842 года с В. Г. Белинским. Тургенев сблизился с его кружком, с петербургскими литераторами (в том числе и с А. И. Герценом), которые пропагандировали идеи западничества. Критика и убеждения Белинского способствовали укреплению Тургенева на антикрепостнических и антиславянофильских позициях.

В 1843 году Тургенев познакомился с французской певицей П. Виардо. Дружеские отношения с ней и её семьёй продолжались до конца жизни писателя и оставили глубокий след в его творчестве. Привязанность к Виардо во многом объясняет его частые поездки и долгое пребывание за границей.

В 1847 году Тургенев вслед за семейством Виардо уехал за границу, жил в Берлине, Дрездене, затем отправился во Францию. Его дела находились в очень плачевном состоянии. Он жил авансами из редакций, займами у приятелей. Зимние месяцы ему приходилось проводить в полном одиночестве, то на пустой даче Виардо, то в заброшенном замке французской писательницы Жорж Санд. Февральская революция и июньские события застали его в Париже, но особого впечатления на него не произвели. Даже начиная с 1856 года, когда с него окончательно была снята опала, он долго жил за границей, то лечась на водах, то гостя у семейства Виардо. Но всё-таки он нередко бывал и у себя в Спасском, и в Петербурге. С начала 1860-х годов он поселился в Баден-Бадене, где «Villa Tourgueneff», благодаря тому, что недалеко поселилась и семья Виардо, стала музыкально-артистическим центром. Война 1870 года побудила семью Виардо покинуть Германию и

переселиться в Париж, перебрался туда и Тургенев, что сблизило его со многими эмигрантами и заграничной молодёжью.

Самое значительное произведение, написанное Тургеневым за границей, — это, пожалуй, роман «Дым». В нём наиболее ясно выражены основные идеи «западничества», проповедуется преклонение перед западной цивилизацией и критикуется «славянофильство».

Давайте послушаем Потугина, одного из героев романа, позиция которого, по-моему, во многом совпадает с позицией самого Тургенева. Каково его мнение о Европе?

«— Вы спрашивали меня, какого я мнения о Европе, — начал он опять, — я удивляюсь ей и предан ее началам до чрезвычайности и нисколько не считаю нужным это скрывать. «...» Да-с, да-с, я западник, я предан Европе; то есть, говоря точнее, я предан образованности, той самой образованности, над которою так мило у нас теперь потешаются, — цивилизации, — да, да, это слово еще лучше, — и люблю ее всем сердцем, и верю в нее, и другой веры у меня нет и не будет. Это слово: ци...ви...ли...зация (Потугин отчетливо, с ударением произнес каждый слог) — и понятно, и чисто, и свято, а другие все, народность там, что ли, слава, кровью пахнут... бог с ними!»¹⁵⁾

Здесь очевидно, что утверждение Потугина направлено против славянофилов и представителей «официальной народности». Однако, следует подчеркнуть, что «западничество» Тургенева не означает нелюбви к своей родине. Её природа, народ, и особенно язык вызывали в нём мучительное восхищение. Например, стихотворение в прозе «Русский язык», написанное им в 1882 году, передаёт эти чувства: — «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»¹⁶⁾

Интересен один конфуз, в который попал Семён Афанасьевич

Венгеров (1855-1920), знаменитый русский историк литературы и библиограф, в 1875 году издавший книгу «Русская литература в её современных представлениях. И. С. Тургенев». В ней он пишет: —

«Французско-нижегородское воспитание, которое получали дворяне того времени, имело одну хорошую сторону: оно давало основательное знание хотя бы одного иностранного языка. Тургенев знал их, уезжая в Москву, целых два. Он дома основательно изучал немецкий и французский язык. У Краузе он увеличил свои лингвистические познания еще английским языком. Вообще новые языки чрезвычайно хорошо дались нашему беллетристу; он владеет ими в совершенстве и вполне свободно на них изъясняется устно и печатно. Некоторые повести писаны им по-немецки; есть его оригинальные вещи на французском языке, а несколько лет тому назад он помещал критические заметки в лондонском "Athenaeum" Ъ». Знание иностранных языков немалое содействовало тому, чтобы сделать Тургенева «западником». На русском языке в тридцатых годах было очень мало дельных книг по предметам, как общего так и специального образования и человек, желавший приобрести основательные знания по какой-бы то ни было отрасли наук, по необходимости был принужден обращаться к иностранным источникам, к иностранным сочинениям. Для Тургенева это не представляло никакого затруднения. Значит, он имел неограниченную возможность познакомиться с произведениями западной культуры».¹⁷⁾

Венгеров допустил достаточно грубую ошибку, обидевшую Тургенева. Как только эту ошибку заметил Тургенев, он написал письмо самому Венгерову: —

«Собственно огорчило — и, признаюсь, удивило — меня Ваше предположение, что "некоторые мои повести (какие?) писаны мною по-немецки"; "есть его оригинальные повести на французском языке"(!) и т. д. Это предположение уже не в первый раз проявляется в печати; но я всегда видел в нем намерение меня уязвить. В Вас это намерение немыслимо — но тем непонятнее для

меня Ваши слова. Я никогда ни одной строки в жизни не напечатал не на русском языке; в противном случае я был бы не художник — а — просто — дрянь. Как это возможно писать на чужом языке — когда и на своем-то, на родном, едва можешь сладить с образами, мыслями и т. д.! Говоря прямо, это предположение не согласуется с эстетическим пониманием и критическим тактом, не однажды обнаруженным Вами в Вашем произведении».¹⁸⁾ А в письме своему другу Топорову Тургенев откровенно выражает гнев: — «... а что касается до книжки г-на Венгерова — то не трудитесь ее выслать. Сам автор мне ее выслал. Ужасно варварским языком она написана! И что ему была за охота откапывать мои давным-давно мертвые стихи! Но более всего мне досадно то, что, по его словам, я писал повести по-французски, по-немецки, по-английски! Черт знает, что за чепуха! Я никогда ни одной строки не написал для печати не по-русски. Да и как это писать не на своем языке?!»¹⁹⁾

Этот пример несомненно показывает любовь Тургенева к русскому языку. Есть ещё несколько подобных примеров. Тем современникам, которые скептически относились к будущему России, Тургенев — по воспоминаниям Н. В. Щербаня — говорил: — «И я бы, может быть, сомневался в них (...) — но язык? Куда денут скептики наш гибкий, чарующий, волшебный язык? Поверьте, господа, народ, у которого такой язык, — народ великий».²⁰⁾ Ещё по свидетельству С. И. Лаврентьевой, Тургенев говорил с ней о «нашем прекрасном богатом языке», «который до времени Петра был так тяжел и который с Пушкина развился так богато, сложился так поэтично». «По тому, — прибавлял Тургенев, — я верю, что у народа, выработавшего такой язык, должно быть прекрасное будущее».²¹⁾ Н. А. Юшкова в письме к В. Микулич (Л. И. Веселитской), вспоминая о встрече с Тургеневым в Петербурге в 1880 году, также рассказывала: — «Любовь к родине ярко выразилась у него в его любви к самому художественному произведению русского народа, к русскому языку».²²⁾

В заключении я хочу добавить ещё несколько слов о

деятельности Тургенева в Париже. В 1870-е годы Тургенев сблизился с некоторыми деятелями народнического движения и материально помогал народническому журналу «Вперёд». Он следил за развитием русского и французского искусства и входил в кружок крупнейших французских писателей — Г. Флобера, Э. Золя, бр. Гонкур и т. д., где пользовался репутацией одного из крупнейших писателей-реалистов. В эти годы и позднее Тургенев своим зрелым мастерством, утончённым искусством психологического анализа оказывал очевидное влияние на французских писателей. Например, П. Мериме считал его одним из вождей реалистической школы. Ещё Ж. Санд и Г. Мопассан признавали себя учениками Тургенева.

В Европе деятельность Тургенева в области литературы, науки и искусства была высоко оценена, особенно во Франции и Англии. В 1878 году его избирали вице-президентом Международного литературного конгресса в Париже. Затем в 1879 году Оксфордский университет присвоил Тургеневу докторскую степень обычного права.

Говорят, что умирал Тургенев мужественно, с полным сознанием близкого конца, но без всякого страха перед ним. Его смерть (в Буживале под Парижем, 22-го августа 1883 года) произвела на людей огромное впечатление, выражением которого были грандиозные похороны. Тело писателя было, согласно его желанию, привезено в Петербург и похоронено на Волоковом кладбище при таком стечении народа, которого никогда ни до того, ни после того не было на похоронах частного лица.

3.2 А. И. Герцен и Париж

Александр Иванович Герцен (1812-1870) был выдающимся русским революционером-демократом, философом, публицистом и писателем.

В 30 — 40-х годах 19-го века в российском обществе сильно распространились социалистические идеи Прудона, Кабе, Фурье и

др. Эти идеи оказали большое влияние на формирование литературных кружков того времени. Н. В. Станкевич (1813-1840) и его друзья сблизились с Герценом и Н. П. Огарёвым (1813-1877), образуя лагерь западников. Другие примкнули к лагерю славянофилов, с А. С. Хомяковым и П. В. Киреевским во главе. Несмотря на взаимное ожесточение и горячие споры, обе стороны, тем не менее, имели в своих взглядах много общего. И прежде всего, по признанию самого Герцена, общим было «чувство безграничной охватывающей всё существование любви к русскому народу, к русскому складу ума».

В 1842 году Герцен, отслужив год в Новгороде, получил отставку и переехал на жительство в Москву. А затем в январе 1847 года, вскоре после смерти своего отца (он умер в мае 1846 года, в возрасте 79 лет, оставив сыну значительное состояние), Герцен с женой, матерью и детьми уехал за границу и оставался там на положении политического эмигранта до конца жизни. В 1848 году Герцен принимал участие, впрочем, исключительно теоретическое, в парижском перевороте. Тогда он сблизился с Прудоном и другими деятелями революции и европейского радикализма. Он испытал глубочайший идейный кризис, связанный с поражением революции во Франции. Тяжёлое душевное состояние писателя отразилось и в его произведениях тех лет, то есть в «Письмах из Франции и Италии» и «С того берега». Впоследствии, Герцен вместе с Прудоном издавали некоторое время газету «*Ami du peuple*». Ко времени пребывания Герцена в Париже относится печальная история увлечения его жены поэтом Гервегом. Вынужденный, по требованию полиции, оставить Францию, Герцен переехал в Швейцарию, где и натурализовался. Затем он жил некоторое время в Ницце и потом около 10 лет в Лондоне, где основал русскую типографию для печатания запрещённых изданий, а с 1857 года издавал еженедельную газету «Колокол». 9-го января 1870 года Герцен скончался от воспаления лёгких в Париже, куда незадолго перед тем прибыл по своим

семейным делам.

Из произведений, написанных Герценом за границей, особенно интересны письма из «Avenue Marigny» (первые напечатаны в «Современнике», а все четырнадцать под общим заглавием: «Письма из Франции и Италии» изданы в 1855 году). Они представляют собой точную характеристику и анализ событий и настроений, волновавших Европу в 1847-1852 годах. Здесь мы встречаем вполне отрицательное отношение к западно-европейской буржуазии, её морали и общественным принципам и горячую веру автора в грядущее значение «четвёртого» сословия. Давайте процитируем.

«Париж столичный город Франции, на Сене...мне хотелось только испугать вас; не стану описывать виденного мною я слишком порядочный человек, слишком учтивый человек, чтобы не знал что Европу все знают, что всякий образованный человек по крайней-мере состоит в подозрении знания Европы, а если ее не знает, то невежливо ему напоминать это. Да и что сказать о предмете битом и перебитом — о Европе?»

С легкой руки Фонвизина и особенно с карамзинских писем русского путешественника у нас все рассказали о Европе в замечательных письмах русского офицера, сухопутного офицера, морского офицера, обер-офицера; наконец гражданские деловые письма его превосходительства Н. И. Греча и прихода-расходный дневник М. П. Погодина договорили последнее слово».²³⁾

Шум и блеск Парижа не ослепили Герцена. С самого начала он резко критически, с отвращением и презрением относился к буржуазии, так откровенно и цинично господствовавшей при Июльской монархии. Герцен вёл читателей «Писем» к выводу о том, что вопрос об отношении к буржуазии существен и для русских людей именно потому, что они являются духовными наследниками Европы и болеют её страданиями, мучаются её сомнениями.²⁴⁾ «Письма из Avenue Marigny» сыграли большую положительную роль в русской общественной жизни и литературе. Сквозь много-

образе беглых, но красочных и живых зарисовок парижской жизни, в которых сказывались как острота мысли, так и художественная чуткость и мастерство, проступал образ автора «Писем» в напряжённости, богатстве и целеустремлённости его духовной жизни. Герцен, конечно, отдавал себе отчёт, насколько отсталым, по сравнению с буржуазной Францией, был господствовавший в России самодержавно-крепостнический строй. Но Герцена не могли ослепить буржуазный порядок и его культура. Он видел их пороки и болезни.²⁵⁾ В Париже ему было скучно. Но не только в Париже, но и в других городах Европы Герцен томился скукой.

«... Разумеется, разные скуки в разных местах; но основа, по которой снует челнок нашей жизни (это выражение я счел бы сам натянутым, еслиб не знал наверное, что оно краденое, именно у Гете) скучна, тягостна на разные лады. В Париже — весело-скучно, в Лондоне — безопасно-скучно, в Риме — величаво-скучно, в Мадриде — душная скука, в Вене — скука душная. Что тут прикажете делать!»²⁶⁾

Что касается характера французов, Герцен писал позже в «Былом и думах», сравнивая французов с англичанами.

«К тому же мне очень мало нравится тон снисходительного превосходства французов с русскими: они одобряют, поощряют нас, хвалят наше произношение и наше богатство: мы выносим все это и являемся к ним как проситель, даже отчасти как виноватые, радуясь, когда они из учтивости принимают нас за французов. Французы забрасывают нас словами — мы за ними не поспеваем, думаем об ответе, а им дела нет до него; нам совестно показать, что мы замечаем их ошибки, их невежество, — они пользуются всем этим и безнадежным довольством собой. «...» Француз любит жить на людях, чтобы себя показать, чтобы иметь слушателей, и в этом он так же противоположен англичанину, как и во всем остальном. Англичанин смотрит на людей от скуки, смотрит, как из партера, употребляет людей для развлечения, для получения сведений; англичанин постоянно спрашивает, а француз постоянно

отвечает. Англичанин все недоумевает, все обдумывает — француз все знает положительно, он кончен и готов, он дальше не пойдет; он любит проповедовать, рассказывать, поучать. Чему? кого? — все равно».²⁷⁾

3.3 Ф. М. Достоевский и Париж

Фёдор Михайлович Достоевский (1821-1881) — очень знаменитый русский писатель.

В атмосфере общественного подъёма 1859-61 годов и последующего подавления революционного движения Достоевский активно участвовал в общественной жизни России. В эти годы он облизился с литературным критиком А. А. Григорьевым и философом Н. Н. Страховым. В журналах «Время» и «Эпоха», которые Достоевский издавал вместе со своим старшим братом М. М. Достоевским, писатель развивал теорию «почвенничества». Резко критикуя порядки крепостнической России, разложение дворянства, распространение новых капиталистических форм эксплуатации, он вместе с тем полагал, что особый путь исторического развития России поможет ей избежать революционных потрясений, приведших в Западной Европе к торжеству бесчеловечных законов капитализма. Достоевский призывал к сближению интеллигенции, оторвавшейся от «почвы», с народом, к нравственному совершенствованию. В свете этого своего идеала он гневно обличал западно-европейскую буржуазную цивилизацию и духовное «подполье» индивидуалиста.

Летом 1862 года Достоевский в первый раз уехал за границу. Мечта всей жизни наконец осуществилась: он увидел Европу, «страну святых чудес»!²⁸⁾ В «Зимних заметках о летних впечатлениях» он рассказывает об этом путешествии: —

«Я был в Берлине, в Дрездене, в Висбадене, в Баден-Бадене, в Кельне, в Париже, в Лондоне, в Женеве, в Генуе, во Флоренции, в Милане, в Венеции, в Вене, да еще в иных местах по два раза, и всё это, всё это я объехал ровно в два с половиной месяца!»²⁹⁾

Сначала подробно уточним маршрут этого путешествия.

7 июня 1862 года. Достоевский выезжает за границу поездом по дороге в Берлин.

9 июня. Достоевский приезжает в Берлин и проводит здесь одни сутки.

10 июня. Достоевский выезжает из Берлина и днём приезжает в Дрезден.

11 июня. Достоевский выезжает из Дрездена во Франкфурт-на-Майне, где пересаживается на другой поезд, идущий в Висбаден.

12 июня. Утром Достоевский приезжает в Висбаден, где проводит день за игрой в рулетку в курзале «Висбаденские воды». Вечером Достоевский возвращается во Франкфурт, где проводит ночь.

13 июня. Достоевский из Франкфурта направляется через Гейдельберг и Баден-Баден в Кельн. В Гейдельберге он ненадолго задерживается и вероятно в этот же день приезжает в Баден-Баден, где проводит один день.

14 июня. Достоевский из Майнца направляется пароходом в Кельн.

15 июня. Достоевский в Кельне осматривает тогда ещё недостроенный собор и превосходный новый кельнский мост.

16 июня. Достоевский через Бельгию приезжает в Париж на Северный вокзал; поселяется в Hôtel des Empereur, недалеко от Пале-Лояля и остаётся здесь около месяца.

Около 30 июня. Достоевский выезжает в Лондон.

4 июля. Достоевский посещает А. И. Герцена в его доме в Лондоне и, вероятно, в этот день вручает ему «Записки из Мёртвого дома» с надписью: «Александр Ивановичу в знак глубочайшего уважения от автора».

5 июля. Вечером. Возможно, состоялась вторая встреча Достоевского с А. И. Герценом, на которой присутствовал М. А. Бакунин.

8 июля. Перед отъездом в Париж Достоевский дарит Герцену свою фотографию с надписью: «Александр Ивановичу Герцену в память нашего свидания в Лондоне от Ф. Достоевского. 8 июля 1862

года». В этот же день Достоевский уезжает из Лондона.

16 июля. Достоевский визирует свой паспорт в австрийском посольстве, в генеральных консульствах Франции и России и в Апостолическом посольстве (Италия) для получения разрешения на въезд в Австрию, Италию, Германию, Рим и Швейцарию. Достоевский выезжает из Парижа.

17 июля. Достоевский вторично в Кельне.

18 июля. Достоевский в Дюссельдорфе.

19 июля. Достоевский из Дюссельдорфа по Рейну пароходом направляется в Майнц.

20 июля. Достоевский из Майнца прибывает в Базель.

21 июля. Достоевский из Базеля направляется в Женеву.

22 июля. Достоевский и Н. Н. Страхов встречаются в Женеве.

23-25 июля. Достоевский и Страхов в Люцерне.

28 июля. Достоевский и Страхов возвращаются в Женеву.

29 июля. Достоевский и Страхов направляются во Флоренцию через Турин, Геную и Ливорно.

31 июля. Достоевский и Страхов приезжает в Турин.

1 августа. Достоевский и Страхов из Турина направляются в Геную, откуда на Ливорно шёл пароход, находившийся в пути 9 часов.

3 августа. Достоевский и Страхов приезжают во Флоренцию и останавливаются на неделю в скромной гостинице-пансионе «Швейцария».

Около 12 августа. Достоевский выезжает из Флоренции, направляясь через Милан в Венецию.

17 августа. Достоевский проводит день в Вене.

18 августа. По дороге из Вены в Дрезден Достоевский визирует свой паспорт на саксонской пограничной станции Боденбах. Очевидно в этот же день или утром следующего он приезжает в Дрезден.

20 августа. Возможно, этот день Достоевский проводит за игрой в рулетку в Гамбурге.

21 августа. Достоевский из Дрездена едет в Берлин.

22 августа. Достоевский выезжает из Берлина.

23 августа. Достоевский, возвращаясь в Россию, предъявляет свой паспорт на границе: «Вержболово. Предъявлен при приезде».

24 августа. Достоевский приехал в Петербург.³⁰⁾

Теперь узнаем, какое впечатление произвёл на писателя город Париж. И что думал Достоевский о характере французов? Об этом он пишет Страхову из Парижа достаточно подробно.

«15 июля (нашего стиля), но не раньше, я выезжаю из Парижа в Кельн. День пробуду в Дюссельдорфе; потом на пароходе вверх по Рейну до Майнца, а там в Oberland, то есть, может быть, в Базель и проч. Значит, 18 или 19-го числа нашего стиля я в Базеле, а 20, 21 или 22-го в Женеве. (...) Ах, Николай Николаевич, Париж прескучнейший город, и если б не было в нем очень много действительно слишком замечательных вещей, то, право, можно бы умереть со скуки. Французы, ей-богу, такой народ, от которого тошнит. Вы говорили о самодовольно наглых и г...ных лицах, свирепствующих на наших минералах. Но клянусь Вам, что тут стоит нашего. Наши просто плотоядные подлецы, и большею частью сознательные, а здесь он вполне уверен, что так и надо. Француз тих, честен, вежлив, но фальшив и деньги у него — все. Идеала никакого. Не только убеждений, но даже размышлений не спрашивайте. Уровень общего образования низок до крайности (я не говорю про присяжных ученых. Но ведь тех немного; да и, наконец, разве ученость есть образование в том смысле, как мы привыкли понимать это слово?). Вы, может быть, посмеетесь, что я так сужу, всего еще только десять дней пробыв в Париже. Согласен; но 1) то, что я видел в эти десять дней, подтверждает покамест мою мысль, а во-2-х) есть некоторые факты, которых заметить и понять достаточно полчаса, но которые ясно обозначают целые стороны общественного состояния, именно тем, что эти факты возможны, существуют. (...) Заметьте: на три дня в Париж ехать не стоит, а посвятить ему две недели, если Вы только

турист, будет скучно. За делом сюда ехать можно. Много есть чего посмотреть, изучить. Мне приходится еще некоторое время пробыть в Париже и потому хочу, не теряя времени, обозреть и изучить его не ленись, сколько возможно для простого туриста, каков я есмь. Не знаю, напишу ли что-нибудь? Если очень захочется, почему не написать и о Париже, но вот беда: времени тоже нет».³¹⁾

Кстати, в письме от 18 июня 1862 года М. М. Достоевский, старший брат писателя, предлагал брату: «Да написал бы ты в Париже что-нибудь для "времени". Хотя бы письма из-за границы».³²⁾ Заграничные впечатления Достоевского отразились в написанных им по возвращении из Европы «Зимних заметках о летних впечатлениях». Это произведение появилось в февральской и мартовской книжках «Времени» за 1863 год.

Я уже выше заметил, что в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевского есть очевидное влияние от «Писем русского путешественника» Карамзина. В этом отношении Константин Мочульский пишет: —

«Этот замечательный опыт философской публицистики написан в виде писем к друзьям о заграничном путешествии 1862 года. Автор вспоминает о чувствительном путешественнике Карамзине и начинает свои заметки вполне карамзинском стиле. (...) Напомнив читателям о сентиментальной традиции "Писем русского путешественника", автор только усиливает впечатление контраста: нет ничего более противоположного карамзинской чувствительности, чем жестокая ирония "Зимних заметок". Критики Достоевского, особенно иностранные, упрекают его в предвзятости и поспешности оценки европейской культуры; в Европе он пробыл всего два с половиной месяца, в Париже — менее месяца, в Лондоне — восемь дней. Когда успел он проникнуть в психологию парижского буржуа, изучить положение лондонского пролетариата? Это недоразумение вызывается исключительным своеобразием литературной формы "Заметок". Автор

притворяется, что описывает свои «впечатления», но это только прием публициста, создающего новую и острую форму историко-философского трактата. Достоевский поехал в Европу с готовой идеей и лишь “проверил” ее заграничными впечатлениями: действительность вполне подтвердила его теоретическое построение». ³³⁾

Летом 1863 года Достоевский во второй раз уехал за границу. Там он пережил глубокую личную драму, то есть роман с А. П. Сусловой. Суслова уехала за границу одна, а Достоевский, задержанный закрытием «Времени», назначил ей свидание в Париже. По дороге во Францию он останавливался на четыре дня в Висбадене и играл на рулетке. Это начало долгой и трагичной страсти писателя к азартной игре. Две страсти — к Сусловой и к рулетке — сплетаются неразрывно и таинственно. ³⁴⁾ Достоевский пребывал в Париже с 14 августа по 22 августа 1863 года. И там встречался со своей молодой любовницей. Трудно утверждать, что в этот раз Достоевский хорошо осмотрел город, так как был занят своей любовью. Но всё-таки, он в двух письмах описывает свои впечатления от второго пребывания в Париже. Давайте посмотрим их.

Письмо к Н. М. Достоевскому от 16 августа 1863 года.

«Понравился мне на этот раз Париж наружностью, то есть архитектурой. Лувр — вещь важная, и вся эта набережная, вплоть до Нотр-Дам, — вещь удивительная». ³⁵⁾

Письмо к В. Д. Констант от 20 августа 1863 года.

«Не нравится мне Париж, хоть и великолепен ужасно. Много в нем есть кой-что посмотреть; но как осмотришь, то нападет ужасная скука. Другое дело, если б я приехал как студент, учиться чему-нибудь. Ну тут дело другое: было бы много занятий и многое надо было бы и осмотреть и прослушать, а для туриста как я, наблюдающего просто за нравами, французы мерзят, а город уж мне почти известен. Право, лучше всего здесь фрукты и вино: это не надоедает». ³⁶⁾

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) Паломничество (франц.).
- 2) Карамзин. Н. М. Письма русского путешественника. Ленинград. 1984. С. 320.
- 3) Салон Мережковских — Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, avenue du Colonel-bonnet, Passy; Квартира Буниных. 1, rue Offenbach; Cafe Cameleon. 146, boulevard du Montparnasse; Cafe La Rotonde и т. д.
- 4) Rue Campagne-Premiere.
- 5) Маяковский. В. В. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 3. Москва. 1978. С. 168.
- 6) Карамзин. Н. М. Письма русского путешественника. Москва. 1988. С. 299.
- 7) Здесь речь идёт не о Париже, а о Берлине, но сравним описания двумя писателями липовой аллеи — одной из центральных улиц Берлина.
У Карамзина: — «Неужели нет у берлинцев обоняния? — Д* повел меня через славную Липовую улицу, которая в самом деле прекрасна. В середине посажены аллеи для пешех, а по сторонам мостовая. Чище ли здесь живут, или испарения лип истребляют нечистоту в воздухе, — только в сей улице не чувствовал я никакого неприятного запаха. Дома не так высоки, как некоторые в Петербурге, но очень красивы».(Там же, С. 70.)
В «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевский пишет: — «И я знаю теперь, что я виноват перед Берлином, что я не смею положительно утверждать, будто он производит кислое впечатление. Уж по крайней мере хоть кисло-сладкое, а не просто кислое. А отчего произошла пагубная ошибка моя? Решительно от того, что я, больной человек, страдающий печенью, двое суток скакал по чугунке сквозь дождь и туман до Берлина и, приехав в него, не выспавшись, желтый, усталый, изломанный, вдруг с первого взгляда заметил, что Берлин до невероятности похож на Петербург. Те же кордонные улицы, те же запахи, те же... (а впрочем, не пересчитывать же всего того же!). Фу ты, бог мой, думал я про себя: стоило ж себя двое суток в вагоне ломать, чтоб увидеть то же самое, от чего усекал? Даже липы мне не понравились, а ведь за сохранение их берлинец пожертвует всем из самого дорогого, даже, может быть, своей конституцией; а уж чего дороже берлинцу его конституции?» (Достоевский. Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 5. Ленинград. 1973. С. 47.)
Приступив к работе над «Зимними заметками», Достоевский, несомненно, перечитал «Письма русского путешественника» Карамзина. Какой здесь контраст! Если Карамзин пишет об отличии между Берлином и Петербургом, то Достоевский пишет, — «Берлин до невероятности похож на Петербург». Здесь наблюдается сознательная полемика с Карамзиным.
- 8) «Письмо в "Зритель" о русской литературе»
- 9) Карамзин. Н. М. Письма русского путешественника. Ленинград. 1984. С. 459-460.
- 10) Макогоненко. Г. П. Денис Фонвизин. Москва-Ленинград. 1961. С. 209.
- 11) Фонвизин. Д. И. Собрание сочинений в 2 томах. Т. 2. Москва-Ленинград. 1959. С.

438-439.

- 12) Макогоненко. Г. П. Денис Фонвизин. С. 220.
- 13) Фонвизин. Д. И. Собрание сочинений в 2 томах. Т. 2. Москва-Ленинград. 1959. С. 480-481.
- 14) Достоевский. Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 5. Ленинград. 1973. С. 50.
- 15) Тургенев. И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Т. 9. Москва-Ленинград. 1960-1968. С. 173.
- 16) Там же, Т. 13. С. 198.
- 17) Венгеров. С. А. Русская литература в её современных представлениях. И. С. Тургенев. Часть 1. Санкт-Петербург. 1875. С. 63-64.
- 18) Письмо С. А. Венгерову от 25 мая 1875. Карлсбад. См. Тургенев. И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Письма в 13 томах. Письма. Т. 11. Москва-Ленинград. 1966. С. 86.
- 19) Письмо А. В. Топорову от 25 мая 1875. Там же, С. 87.
- 20) См. Р. Вести. 7. 1890. С. 12-13.
- 21) Лаврентьева. С. И. Пережитое. Из воспоминаний. Санкт-Петербург. 1914. С. 142.
- 22) См. Звенья. Т. 1. С. 506.
- 23) Письмо первое. Париж, 12 мая 1847 г. См. Герцен. А. И. Письма из Франции и Италии Искандера (1847-1852). London. 1858. С. 2.
- 24) См. Эльсберг. Я. Е. Герцен. Жизнь и творчество. Москва. 1963. С. 228.
- 25) Там же, С. 235-236.
- 26) Письмо первое. Париж, 12 мая 1847 г. См. Герцен, А. И. Письма из Франции и Италии Искандера (1847-1852). С. 19.
- 27) Герцен. А. И. Былое и думы. Часть V-VIII. Киев. 1986. С. 25-26.
- 28) См. Мочульский. К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. Москва. 1995. С. 329.
- 29) Достоевский. Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 5. Ленинград. 1973. С. 46.
- 30) См. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского в 3 томах. Т. 1. Санкт-Петербург. 1993. С. 366-376.
- 31) Письмо Н. Н. Страхову от 26 июня 1862. См. Достоевский. Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 28-2. Ленинград. 1985. С. 26-27.
- 32) Достоевский. Ф. М. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Ленинград. 1935. С. 535.
- 33) Мочульский. К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. С. 331.
- 34) Там же, С. 335.
- 35) Достоевский. Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 28-2. Ленинград. 1985. С. 38. Николай Михайлович Достоевский (1831-1883) — младший брат Ф. М. Достоевского.
- 36) Там же, С. 39-40. Варвара Дмитриевна Константин — старшая сестра первой жены

Достоевского. Достоевский был дружен с ней.

Японский частный Азиатский Университет для этого исследования оказал мне денежную помощь в размере около 260 тысяч японских иен. Пользуясь этим случаем, я хочу выразить глубокую благодарность за это.